

Усадьба Карабиха в пространстве культурно- исторической амнезии

Русские усадьбы... Их ветхие барские дома в окружении зарослей садов, их неторопливый жизненный уклад известны каждому, кто знаком с классической русской литературой. Пушкинские, настоянные на русском романтизме «деревня, где скучал Евгений», и мятежная Кистенёвка, убогая в своем «реализме» гоголевская Маниловка, возрождающие душу толстовские Отрадное, Богучарово, Лысые Горы, «ленивая» гончаровская Обломовка, запущенные тургеневские парки дворянских гнезд и бунинские ностальгически-однообразные тёмные аллеи, и, наконец, бессмысленный и бесплодный чеховский вишнёвый сад — вот неполный перечень ставших хрестоматийными художественных образов усадеб...

Как показывает практика, современные молодые люди воспринимают усадьбу исключительно в качестве места развития сюжета литературно-художественных произведений. Реальные усадьбы, даже такие известные, как Спасское-Лутовиново, Мураново, Тригорское, Тарханы, Пенаты, Шахматово, Горки, в сознании молодёжи, живущей вдали от них, уже никак не соотносятся ни с конкретными деятелями отечественной истории и культуры, ни с конкретными «губерниями». Да что усадьбы! Ведь имя, отчество и даты жизни самих «деятели» сегодня назовёт далеко не каждый ученик старших классов.

Так что приходится констатировать неутешительный факт: усадьба в обыденном массовом сознании перестала ощущаться как явление реальное. А ведь когда-то «усадьбы старые разбросаны по всей Руси»...были.

Последние бастионы усадебной культуры — это места памяти, в лучшем случае превращённые в музеи, чаще же — заброшенные, предоставленные произволу времени, вандализму и стихии... Но даже «музеефикация» уже не спасает усадебный мир от забвения.

Практически все ярославские учреждения культуры, находящиеся в историческом центре города, расположены в зданиях бывших городских усадеб. Художественный музей — Губернаторский дом и Митрополичьи палаты; Музей истории города — дом Кузнецова, аналогичная ситуация с филиалами этого музея — «домашними» музеями М. Богдановича и Л. Собинова, «Домом муз» — усадьбой Бибикова. Главное здание педагогического университета — усадьба Горяиновых. Комитет историко-культурного наследия департамента культуры Ярославской области — дом Иванова... И при этом в областном центре мы имеем только два факта детального исследования «усадебного» прошлого этих зданий: «За окнами дома Иванова» (2008) — книга, созданная исключительно радением А. М. Рутмана и изданная на средства частного спонсора, и совсем недавно увидевшая свет работа И. А. Серовой «Ярославль дворянский. Мир губернаторской усадьбы и его отражение в жизни благородного общества. 1777—1917» (2011). И всё!

Для самих организаций прошлое здания существует в виде исторической справки и зачастую никак не соотносится с их актуальной деятельностью. Может быть, это и не обязательно...

А если речь идёт о музее? Правда, в Губернаторском доме создали ретро-кабинет губернатора, акцентировав всё-таки административное значение прошлого здания, а

ведь было ещё и культурное! В кузнецовском же доме о Кузнецове напоминает разве что лепнина на потолках... В одном из интереснейших зданий города, горяиновском особняке (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108), истории дома посвящено полстенда в очень формальной экспозиции университетского музея.

Таким образом, констатируем ещё один неутешительный факт: современные обитатели «исторических» зданий, не идентифицируют последние как усадебные. И, что особенно грустно, память о прошлом покидает сознание и тех, кто, казалось бы, по долгу своей службы обязан её хранить.

Одним из симптомов культурной амнезии является, на наш взгляд, игнорирование научными сотрудниками музеев, занимающих бывшие усадебные пространства, тематических — именно «усадебных» — конференций, раз в два года иницируемых и проводимых Государственным историко-литературным музеем-заповедником Н. А. Некрасова «Карабиха».

Некрасовская «Карабиха» в контексте городской жизни в этом плане явление

исключительное. Но современная музейная «усадебная» жизнь в ней двойственна: экскурсионно-проектно-выставочная деятельность и научно-исследовательская работа. В обоих случаях пафос един: сохранение усадебной культуры. Однако, несмотря на то, что, казалось бы, эти две сферы бытования музея в современном социокультурном пространстве являются двумя сторонами одной медали, при их ближайшем рассмотрении становятся заметны противоречия...

Попытаемся разобраться в том, что же на самом деле можно считать продолжением традиций усадебной культуры на примере деятельности Некрасовского музея-заповедника.

Основная целевая аудитория музея — школьники. В силу своего незначительного жизненного и культурного опыта они плохо представляют своеобразие усадьбы как многогранного феномена культуры. Но именно на обогащение представлений об усадьбе и направлены основные музейные образовательные программы и проекты: игровая программа «Игры-потехи, забавы-утехи», интерактивная экспозиция в «Музее деда Мазая»,

историческая экспозиция «Класс земского начального училища» в Западном флигеле.

Эти проекты являются своеобразными «изюминками» в экскурсионной деятельности, призванными дополнить и разнообразить основную тему музейного пространства, — жизнь и творчество Н. А. Некрасова. Рассчитанные на игровую деятельность (от «побегать-попрыгать» до «подумать-вообразить»), яркие и эмоционально окрашенные, именно они-то, в первую очередь, и остаются в памяти у юных посетителей музея. В то время как сам Поэт и его усадьба, равно как и традиционные выставки, подготовленные научными сотрудниками музея, оказываются на периферии их сознания. Усадебный дом-дворец (единственный в области сохранивший первоначальный архитектурный облик) и уникальный пейзажный парк парадоксальным образом превращаются в аранжировку народных игр и истории о Мазае и спасённых им зайцах!

Конечно, это разные грани музейной деятельности, и чем она разнообразнее, тем лучше. Но смущает доминирование развлекательно-игрового компонента над содержательным, отсутствие привязки к усадебному быту и, что самое значимое, происходящая в сознании аудитории подмена. Дело в том, что большинство молодых пытливых умов даже к старшим классам не изживают в сознании своём стадию наивного реализма в восприятии не только художественного текста, но и окружающей действительности. Они верят в то, что всё показываемое и рассказываемое им это реконструкция реальных событий, которые когда-то давно здесь имели место быть. В результате ярославская некрасовская усадьба в их воображении становится местом жизни и деятельности (по спасению зайцев?) «костромича» (!) деда Мазае.

Интерактивные, «образовательные» же, программы, рассчитанные как на взрослых, так и детей, сводятся, в основном, к костюмированным экскурсиям. Встреча с «хозяйкой» усадьбы и нянюшками-мамушками, заканчивающаяся расписыванием пасхального яйца и угощением наливкой и яблоками (программа «Накануне светлого праздника Пасхи»), или аттракцион «Бельведер желаний» (в рамках празднования Дня се-

ми и Дня музея), хоть и привязаны к пространству главного архитектурного объекта усадьбы — дома-дворца, но никак не соотносятся ни с усадебной жизнью вообще, ни с жизнью семьи Некрасовых в принципе. Грубо говоря, предстань перед экскурсантами «ведущая» не в стилизованном костюме рубежа XIX — XX веков, а в современном — ничего бы не изменилось в восприятии. Ведь овладеть навыками культуры речи той эпохи, основами этикета, в том числе и ношения самого платья, в её задачи не входит. Но обидно даже не то, что посетителям не предложен образец социокультурного (!) поведения, а то, что гений места Караби-хи, вытесняется из его собственной усадьбы путём превращения в предмет для бесед «вообще». А ведь Н. А. Некрасов относится к числу поэтов, очень остро чувствовавших нерв времени, очень точно реагировавших на «болезни века» своими произведениями.

Более того, сам «реквизит» этих мероприятий вступает, как минимум, в стилистическое противоречие со стационарной экспозицией. Помню, как при очередном по-

сещении музея в глаза бросился стол в гостиной, накрытый блестящей золотым позументом скатертью. Стоящий на переднем плане, перед ограничивающим экспозиционное пространство шнуром, из-за падающего на него солнечного света именно он, а не голицынские портреты и зеркала и не некрасовская мебель, стал самым ярким предметом интереса.

В результате, то, что подаётся в ходе экскурсионной деятельности как туристический продукт, каким соусом его ни заправляй, всё равно оказывается суррогатом.

А ведь ресурс усадебного пространства как культурного ландшафта весьма богат! И как богат ресурс такого культурного ландшафта Карабихи! И свидетельства тому есть. Главное из них — конференция «Проблемы изучения, сохранения, реставрации и музеефикации русской усадьбы XVIII—XIX вв.». Её проведение раз в два года предваряет празднование Дня поэзии в Карабихе.

Собственно говоря, конференция проводится каждый год, но её тематика чередуется: год — усадебоведение; год — некрасоведение.

Наверное, читатель массового литературно-художественного журнала спросит, почему автор статьи обращается здесь к несколько иной проблематике? Не уместнее ли было обсуждать проблемы научного сообщества, безусловно важные, но на другой площадке?

Что ж, объясню свою точку зрения на усадебные конференции, благо, являясь специалистом в усадебной культуре, неоднократно принимал участие во многих из них. Именно проводимые в усадьбах конференции, на мой взгляд, и воскрешают ту особую интеллектуальную и художественную атмосферу, присущую этим не столько дворянским гнездам (ох уж эти «социальные» предрассудки и художественные клише!), сколько культурным центрам. Это потом, на самом празднике, будут массовые «народные» гуляния: песни и пляски, чтение стихов и костюмированные (опять!) представления. Но ведь не только перечисленные праздничные «аттракционы» составляли суть усадебной жизни. Более того, совсем не они. Традиционно усадебная жизнь — это жизнь семейная,

чурающаяся пышности и бравурности. Что говорить, если императоры и императрицы российские в своих усадьбах пытались вести простую помещичью жизнь, декларируя семейные ценности.

Усадебная жизнь второй половины XIX — начала XX века, а именно на этот период ориентируется в своей экспозиционной деятельности музей, приобретает ещё одну черту: усадьба объединяет людей, связанных не только узами крови, но и общими идеями и культурными приоритетами. Вспомним феномены художественной жизни толстовской Ясной Поляны, мамонтовского Абрамцева, репинских Пенат.

Именно в этом ключе я и предлагаю рассматривать «усадебные» конференции. Общение, живое, непосредственное, концептуальное и конструктивное общение современников и единомышленников — главная ценность научных конференций, проводимых нашей Карабихой.

Наберусь смелости и назову «карабихские» усадебные биеннале «салонном», в самом хорошем, «аристократическом» (ибо — аристократизм духа!), смысле этого слова. Благо по всем формальным показателям они этой форме социокультурного общения соответствуют. Прежде всего, здесь есть своя «хозяйка» — учёный секретарь музея-заповедника, кандидат культурологии Е. В. Яновская. Именно она полтора десятка лет организует это мероприятие, на которое съезжаются ведущие усадебоведы страны. При этом личная скромность и профессионализм самой усадебной Мнемозины делают её присутствие для участников конференции не только необременительным, но и, практически, незримым, потому что на первом месте для неё — Поэт и его Дом.

Чувствуя дух времени и желание единомышленников-усадебоведов/некрасоведов — не столько докладывать о научных открытиях, сколько общаться на актуальные темы, ценя именно человеческое общение, в результате которого и рождаются оригинальные идеи и новые творческие планы и союзы, г-жа Яновская инициировала смену «жанровой» парадигмы, отказавшись от традиционного слушания докладов участников в пользу проведения круглых столов. Живая, одновременно интеллектуальная и эмоцио-

нальная, беседа стала главным признаком этих собраний. И интересно каждый раз наблюдать за тем, как сотрудники музеев из разных регионов, делясь своими «домашними» радостями и печалью, воодушевляются общими интересами. Как от сетования о трудностях музейной жизни переходят к конструктивным предложениям по преодолению этих самых трудностей и обмену полезным практическим опытом. К концу «заседания» участники уже чувствуют себя не представителями разных музеев, а соучастниками единого культурного сообщества. И их общение не ограничивается сроками «мероприятия». Оно продолжается за пределами и времени, и пространства карабахского универсума.

Создание особой интеллектуальной атмосферы, провоцирующей творческие процессы, в том числе и научный, особо ценилось в старинных, в том числе и усадебных, салонах. Музейное усадебное пространство — главный предмет научной рефлексии карабахских конференций. Провинциальная усадьба на два-три дня становится центром интеллектуальной жизни города — региона — страны. А ведь это парадоксальное качество — вопреки своей внешней изолированности от окружающего мира оставаться с ним связанным множеством нитей — одна из главных особенностей бытования усадеб в прежние времена. Более того, даже несмотря на зачастую микроскопические размеры усадеб, в какой бы глуши они ни находились, благодаря инициативе и творческим способ-

ностям своих обитателей становились культурными центрами, в том числе и имперского масштаба.

Эту-то традицию творческого союза единомышленников и поддерживают усадебные конференции, и карабахская в их ряду одна из лучших, что мне приходилось видеть и в которой посчастливилось принимать участие. Благодаря ей в Карабихе жива одна из главных доминант усадебной культуры — аккумуляция культурной жизни. Научная деятельность с регулярными (это в нашу-то «эпоху перемен»!) конференциями не позволяет превратиться государственному музею-заповеднику в очередной культурно-развлекательный комплекс, сохраняя за ним статус культурно-просветительского центра.

Таким образом, являясь в ярославском культурном контексте явлением исключительным, как место живой исторической памяти не красовская Карабиха несёт на себе все характерные признаки времени. Вынужденная существовать в трудных условиях, эта мемориальная усадьба пытается обрести идентичность, синтезируя в своей деятельности актуальные «проекты» и традиционные формы. Парадокс (или закономерность?) её современного бытования заключается в том, что именно в обращении к культурной традиции, а не в попытках преодоления оной, осмысливается актуальность и намечаются перспективы.

Вячеслав ЛЁТИН,
кандидат культурологии